

A photograph of a tank moving along a dirt path through a dense forest of tall, thin trees. The tank is in the center of the frame, moving away from the viewer. The path is muddy and shows tracks. The sky is blue with some clouds. The overall scene is bright and natural.

Сергей Смирновский

Опознание паритетом

Сергей Смирновский

Опознание паритетом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72865347

SelfPub; 2025

Аннотация

Повесть, основанная на фактическом материале, рассказывает об одном из драматических эпизодов советской истории, до сих пор вызывающем споры и сомнения в оценке.

Беспристрастно – ко второй половине XX века, когда конструкторы, промышленники и военные оказались умнее политиков, а научно-технический прогресс – усилиями первых, несмотря на одержимость вторых, пошёл-таки по мирному руслу.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Сергей Смирновский

Опознание паритетом

В память о славном 135-м танковом

Пролог

Сирена в полчетвёртого утра пронзила привычно, без надрыва, словно синхронный крик ранних петухов. В такт ей, из темноты открытого окна – отдалённый топот сапог по асфальту – посыльные стартовали на опережение. Минута – две, плеск воды в кухонном тазу, урочный стук в дверь, сбивчивый уставной фальцет посыльного – в ответ мирный и краткий, но категоричный как хлыст, голос отца, уже умытого и одетого. Еле уловимая на слух, лёгкая поступь по дощатому полу, и такой же несуетный знакомый шёпот матери: – Олег, всё на месте. Подворотнички там свежие. Может что-то ещё?

Тишина длиною в несколько секунд. Дверь мягко захлопнулась... В дремлющем сознании отпечаталась фотография отца, буднично удаляющегося от дома – в полевом тёмно-зелёном х/б, с потёртым «тревожным» чемоданчиком в левой руке; правой, с еле заметным наклоном головы, отдающего честь встречным военным.

Гул шагов и голосов за окном нарастал, но августовская утренняя истома морила нещадно. Юный организм неуважителен к помехам – повторное засыпание произошло мгновенно.

венно...

Обычные учения в развёрнутом танковом полку. Офицеры высшего звена, как правило, знали о дате наперёд. Потому и вставали быстрее стука посыльного. Полк пробуждался слаженно и исчезал незаметно, в утренних сумерках. И атмосфера в городке – неспешная, обыденная. Продукты в магазин завозили исправно. В буйной траве верещали кузнечики. Летнее солнце грело и звало к искрящейся воде.

Но на этот раз... Что-то было не так. Проснувшись к восьми, вышел из дому. Школьные приятели, раз за разом, путаной мелкой рысью тянулись в сторону КП, за которым, в низине – три наших любимых озера. Первое – дикое, заболоченное, с линиями, окунями и раками. Второе – через дамбу, с обводным каналом – чистое: с заводью – под развод крупных карпов, и ядром – с вышкой и бортиками, купальное. Далее, через шлюз – третье, с песчаными спусками – самое большое и глубокое, для подводного вождения танков. «Похоже, купаться подались – на второе, прямо с утра?.. Каникулы!», – пошёл за ними.

У КП – дым коромыслом! Из открытых настежь ворот, то и дело выезжали зачехлённые бортовые машины, прицепы с кухнями, медсанбатовские УАЗы. Несколько женщин почему-то махали платками. Друзья – потенциальные купальщики, в майках цвета придорожной пыли, стояли изумлённые, сторбившись от напряжения. Никакого купания. Но почему

так поздно идут машины? Танки, то понятно, ушли ещё затемно через внутренние выходы, что у речки. Но колёсный транспорт сопровождения? Обычно – на учения, полк исчезал в течение часа-двух, а сирена ревела ещё в середине ночи...

Ответ выплыл сам по себе, ближе к полудню... (То-то – уже больше недели, по городку – из открытых окон, вместо привычной музыки и трёпа кино-персонажей, дребезжали странные радиоголоса, с еле улавливаемым смыслом из-под противного жужжания, как на пилораме: «...товарищ дубчек заявил, товарищ дубчек сообщил...»)

Август 1968-го. Это не учения. Тревога была внештатной. Никто не готовился. Отец просто был готов. И танки покинули расположение полка быстро и незаметно. В соответствии с запасом прочности.

Глава 1

17 августа 1968 г. 4.00. Танки шли по мелколесью, вдоль Жерева, строго на запад. В темноте под звёздами пронеслись знакомые песчаные горки танкодрома, тугой орешник со спуском к рыбному полуострову, вдалеке за излучиной – густой лес. В наушниках постоянно шумело и переговаривалось. В сумерках, севернее, мелькнули заманчивые Белокоровичи. За ними – зрелое поле хмеля с заплетёнными на тросы буйными стеблями – уже «на выданье», и бескрайний пожелтевший травяник, поросший кустами тёрна и малины. Ближе к Олевску, не доходя русла Уборти, ушли на юго-за-

пад в низину, ломанулись сквозь заросли орешника по ручью – танки привычно накренило. Ручей уходил в узкий бетонный тоннель, по нему пересекали строящуюся трассу Киев-Ковель, в просторечии – «Варшавку». Головной командирский танк остановился, как бы примериваясь к габаритам проёма. Из наушников раздалось:

– Высота по центру три с половиной метра, ширина пять, имеете запас сверху более метра, боками – по три четверти. Верх округлый, двигайтесь на малой скорости строго посредине, без крена, – работала центральная навигация из штаба Армии в Житомире.

– Пошёл! – рявкнул командир полка Соколенко. – Следи за руслом, ровно по ручью, без крена!

Мотор взревел, машина ринулась в размокшее жерло, как зверь к добыче... Крен случился в самом конце пятнадцатиметрового зева. Ручей делал извилину влево, механик-водитель, ощутив просвет, на радостях придавил акселератор. «Мудак!», – подумал Соколенко, но сдержался и, перекосившись в сторону бестолково-нервного водилы, приготовился к скрежету верха башни по бетону... Нет, пронесло, таки запаса прочности хватило.

– Я «вымысел-один», всем слушай мою команду! Дистанция двадцать метров, скорость десять километров в час. Вход в тоннель только после полного прохода впередиидущего. Держаться строго по руслу, без крена. На выходе ползём черепахой – левой гусеницей войти в край русла, будет

маленький крен, не робеть, курс держать ровно, запас хороший!..

Пересекли автотрассу. Через полчаса забрезжил рассвет. Пошли грунтовкой по лесу. За ним – выгоревшая за лето, скошенная нива со свеженасыпанными стожками. Ещё семьдесят километров ходу просёлочными путями под набирающим силу солнцем. И только за перелеском, в видении извилистой речки – из наушников раздался конкретный голос из центра:

– Встать, приготовиться к глушению моторов!

Во время учений и маршей – идти вблизи населённых пунктов днём не полагалось. Это несколько успокаивало наиболее «догадливых». («Всё-таки обычный марш, кто там бредил с утра в казарме – про Чехословакию?»)

– Прошёл сто шестьдесят километров практически полным составом, встал в квадрате сорок пять – двенадцать, у опушки леса. На северо-западе, километрах в трёх, через речку, вижу выселки населённого пункта.

– Так точно, это Витковичи. Машины маскируйте в лесу, проводите профилактический осмотр техники, докладывайте состояние. Полевые кухни и заправочные двигаются в вашем направлении. Конец связи.

И не успел Соколенко снять шлемофон, как снова заскрежетало:

– «Вымысел»! Уточните фразу «практически полным составом». Что значит «практически»?

– Уточняю! Две машины третьего батальона вынуждены были подвергнуться тех.помощи. Первая – старшего сержанта Казурова, ещё в расположении части из-за перегрева антифриза при загоне двигателя, неисправность устранена силами полковой ремроты. В настоящее время двигается строго по нашему курсу. В данный момент находится в квадрате тридцать шесть – десять, что в двух часах хода до нашей дислокации, постоянно нахожусь с ней на связи. Вторая машина – комвзвода лейтенанта Баклагина, встала по пути следования, в квадрате двадцать два – одиннадцать, за Белокоровичами, на каскаде ухабов у лесного массива при истоке Жерева. По сообщению Баклагина, поломка в системе подрессоривания. В настоящее время на место поломки выехали: специалисты ремонтной роты, тягач и группа офицеров во главе с зампотехом полка майором Лугиным. Нахожусь на связи!

Пауза. Видимо в штабе армии совещались... На всякий случай, Соколенко не снимал шлемофон. Потом снял,.. И, мгновенно, шорох в наушниках. Чертыхнувшись, одел.

– «Вымысел»! Первый! Уточните имеющиеся у нас данные. Третий батальон в полном составе оснащён четыреста тридцать вторым изделием?

– Так точно, полным составом – четыреста тридцать вторым, включая упомянутые экипажи Казурова и Баклагина.

Вновь пауза...

– Казуров уже прошёл экодук¹ под автотрассой?

¹ Туннель под автотрассой для стока воды и прохода диких животных.

– Никак нет! Будет там в ближайшие пятнадцать-двадцать минут, нахожусь с ним на связи...

– «Вымысел», слушай мою команду! Переключить Казурова на центральную!

– Есть!

– Второе – переключить майора Лугина на центральную!

– Есть!

– Продолжить профилактику техники! Ставить палатки и пункт питания для днёвки личного состава. После отдыха и дозаправки быть готовыми к продолжению марша!

– Есть!

Глава 2

17 августа. 9.00. Ремонтный тягач и летучка с зампотехом Лугиным двигались еле заметной стезёй, сквозь кустарник тёрна и орешника – к месту поломки баклагинского танка. В наушниках заскрежетало:

– Приказом командира полка вас переключают на центральную! Ваш позывной – «затейщик», будьте на связи!

– Есть, быть на связи!

Подъехали. Экипаж Баклагина, чумазый и тревожный корпел над поломкой. Лугин поздоровался с Баклагиным сухо за руку, остальным молча кивнул.

– Система подрессоривания, товарищ майор, – сообщил Баклагин. – Там такая «стиральная доска» после Белокоровичей, вверх-вниз, вверх-вниз. Где-то на третьем ухабе и случилось, подтянули ещё метров пятьсот, как хромая ло-

шадь, и встали, пропустив колонну. Шли в колонне не быстро, к механику-водителю у меня претензий нет.

– «Затейщик»! «Затейщик»! Как меня слышите? Доложите ситуацию с танком из третьего батальона, – заскрежетало в наушниках.

– Прибыли на место. Пока причина невыяснена, – кратко ответил Лугин...

– Какая была скорость на ухабах? – тут же спросил Баклагина.

– Двадцать пять – тридцать километров в час, товарищ майор.

– Водитель ко мне!

Подошёл слегка возбуждённый и характерно засаленный механик-водитель:

– Младший сержант Гагуло...

Лугин не дал договорить:

– Какая была дистанция в колонне?..

– Как положено, тридцать-сорок метров, товарищ майор.

– Но вы слегка отстали, и добавили газу как раз на «стиральной доске», было такое, сержант? – глядя куда-то в трансмиссионную зону танка, холодно спросил зампотех.

– Никак нет, товарищ майор! – Сержант метался взглядом между Баклагиным и Лугиным...

– Точно нет? – допытывался Лугин, осматривая гусеницы. – А вот командир танка докладывает по-другому.

– Никак нет, товарищ майор, – убедительно произнёс ме-

ханик-водитель и смахнул муху с лица, – отставание было вначале, у Рудни, сразу за нашим танкодромом, но мы постепенно сократили, ... тут на ухабах отставания не было.

Баклагин отвернулся, слегка улыбнувшись...

– Ладно, – махнул рукой Лугин. – Тарнавский, Марущак!

Открывайте кожух МТО² и смотрите, что там?

Старшина Тарнавский – взводный ремроты пошёл к корме, ещё два промасленных ремонтника в чёрных комбинезонах полезли под танк...

– Задняя, товарищ старшина, – раздался голос с кавказским акцентом из-под танка.

– Смотри все, Абазян, без спешки – ответил Тарнавский.

В шлемофоне закрипело:

– «Затейщик»! «Затейщик»! С вами будет говорить третий.

– Лугин, приветствую, – зампотех узнал голос первого заместителя командарма генерал-майора Руденко.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор. Находимся на месте поломки. Машина для дальнейшего марша нетранспортабельна.

– И что там приключилось? В общих чертах.

– По моей предварительной оценке, вышел из строя торсион³ задней подвески на небольшом каскаде ухабов. Маши-

² Моторно-трансмиссионное отделение.

³ Элемент подвески, представляющий собой скручиваемый вал из упругой стали для гашения колебаний при движении по неровной местности.

ну раскачало, скорость была нормальной. Похоже, эксплуатационной ошибки не было.

– Ого, так категорично. А вот в тридцать девятом полку раскачало ещё раньше вашего, километров через пятнадцать после вывода колонны из расположения части. Но они сообщают, что виноват механик-водитель и молодой лейтенант-командир, год как из училища. Лейтенант носом клевал в утренней дремоте, а водитель притопил газу сдуру. Встали ещё под Словечным, на лесном просёлке, пересекая небольшой овраг. Сейчас с ними разбираются... Так ты повнимательней там определись с этим экипажем, доложи командиру полка детали. А он пусть примет меры. Наказывать надо строго. Кто там командиром танка? Какой-то Бакланов, мне доложили?

– Никак нет, товарищ генерал. Взводный третьего батальона лейтенант Баклагин, человек ответственный, никаких замечаний ранее не имел.

– А водитель?..

– Механик-водитель – младший сержант Гагулашвили.

– А-а-а, так там ещё и водитель горячих кавказских кровей? Был я три года назад там в отпуске. Видел, как они на чёрных «Волгах» по дороге из Сухуми в Новый Афон гасают... Так, в принципе, для меня всё ясно. Повёл машину жёстко, через кучугуры, обгоняя кого-то из коллег. Горделивая пацанва, в общем... Зампотех, я хочу чтоб ты проникся важностью момента. Номер четыреста тридцать два – это

наш танк будущего. Конструктор Морозов – ученик великого Михаила Ильича Кошкина, на всякий случай. Работать с новой техникой надо бережно, без разгильдяйства. А то так мы государственные деньги разбазарим. Учить их надо, и строго спрашивать! Выводите машину тягачом к ближайшему шоссе и сообщите точку вывода, пришлю трайлер для транспортировки. Разберись с ответственными за поломку и – подробный рапорт на имя Соколенко. Он накажет виновных по уставу, а докладную твою закодирует и передаст мне для дальнейшего этапирования по инстанции. Всё! Конец связи!

– Товарищ, генерал-майор, два слова.

– Ну давай, только быстро, свои два слова.

– Помните, февральский испытательный пробег четырехста тридцать второго изделия до Волгограда? Вы были председателем пробега.

– Так точно, был. И что с этим?

– Да там, если помните, из десяти машин полностью справились с пробегом только три.

– Ну это не твоего ума дело! О результатах подробно доложено министру, а они в плотной связи с заводом и Оборонпромом. Давай коротко, у меня телефоны «горят»!

– Да суть в том, что пока два дня шли по винницкому Подолью – полями и мелколесьем – ни одной поломки, а только попали на прибужские овраги за Первомайском – ходовая начала сыпаться. На таком же сложном рельефе, как здесь в

западном Полесье. Каждые два-три километра – речки, овраги, буераки, ручьи с размывтыми впадинами. Машина запрельного веса с такой слабой ходовой – жёсткого пересечённого рельефа не выдерживает.

– Олег! – резко среагировал зам.командарма, – ты готов все свои выводы, по конструктивному несоответствию качества ходовой и веса, подтвердить письменно?

– На данный момент, не готов, товарищ генерал-майор. После полного осмотра и анализа, возможно, буду.

– Ну не готов, твою мать, так и делай, как я говорю! – жёстко сказал Руденко... Но со связи не вышел. А после пятисекундной паузы, добавил бережнее:

– Лугин, ты пойми, это четыреста тридцать второе изделие! Наш основной танк ближайшего десятилетия. Мы все отвечаем головой перед Москвой. Сейчас с нами на связи Главное управление бронетехники Министерства обороны, люди из Оборонпрома, директор завода-производителя, его заводской КБ, и так далее. Все хотят разобраться – почему танк вроде как готов, а вопросов к нему много? В общем, делай, как сделали в тридцать девятом полку. Вали на эксплуатационную ошибку. А чего ты будешь защищать этих гавриков? Водителю-грузину, небось, до дембеля всего-ничего. Ему что в лоб – что по лбу, не пройдёт и года – будет пить чачу под хачапури у себя в Тифлисе-Кутаиси, и на тебя положит. А лейтенату-взводному и так ниже падать некуда – дальше Кушки не пошлют. А так, пойдёшь на принцип – те-

бя заматают, будешь до пенсии под танком лежать. Знаешь какое у них лобби везде?.. Конец связи!

Через четверть часа раздался обстоятельно-спокойный голос старшины Тарнавского из-под танка:

– Товарищ майор, не хотите взглянуть?

– Что там? – ответил Лугин, наклоняясь.

– Не, ну то же самое, что было прошлой зимой под Вознесенском, когда мы гнали десять машин от Овруча до Волги. Помните?..

Зампотех лёг на траву и привычно полез к вымазанным ремонтникам под танк.

Тарнавский светил фонариком в место, где орудовали двое солдат в комбинезонах.

– Лопнул левый торсион на втором катке.

Потом начал светить под другие катки... И вдруг присвистнул:

– Мать мою!.. Эй Абазян, а ну постучи монтировкой по пятому.

Ремонтник переполз на конец танка и скрежетнул по пятому катку.

– Не-не, по тому, что слева – указал Тарнавский. И навёл фонарик. Абазян стукнул. И мгновенно отвалился торсион с пятого катка.

– Так он уже был лопнутый, товарищ майор, и возможно, ещё раньше второго... Держался на честном слове, то я заметил перекосяк. Оно ж в танке так: если лопают подрессорива-

ние, скажем сзади, корпус подсаживается центром тяжести назад, и на ухабе идёт в раскачку наперёд с той же амплитудой, как сидело на лопнувшем...

– Понимаете, товарищ майор, – продолжалась беседа Тарнавского с Лугиным, лёжа с задратыми в чрево танка головами, с пожухлой августовской травы, провонявшейся отработанным маслом и соляровкой, – у пятьдесят-пятки торсионные спаренные в полнуюю...

Зашипело в шлемофоне зампотеха, оставленном на траве рядом:

– «Затейщик»! Ответьте «Вымыслу»!

– А ну его, к бесу, товарищ майор, – махнул рукой безапелляционный Тарнавский, – не дают разобраться по сути. Ещё раз позвонит... Понимаете, товарищ майор, у пятьдесят-пятки⁴ тоже торсионная подвеска, но спаренная с торсионными в полную ширину корпуса, они конечно тяжелее, но худо-бедно держат. А тут – соосное расположение торсионных длиной в половину корпуса. Такое впечатление, что сэкономили на металле, то бишь не хотели машину перегружать. А в результате – нагрузка на катки вдвое больше, вот они и летят!..

– Товарищ майор, вас срочно подполковник Соколенко, – встав на корточки у торчащих сапог зампотеха, сказал Баклагин, – приказывает срочно выйти на связь!

– Давай! – взял шлемофон.

⁴ Т-55 – основной танк 1958-1969 гг.

– Лугин, ты где?

– Под танком, товарищ подполковник!

– У тебя что, бл.., под танк некому полезть? Какой ты, к чёрту, зампотех полка, если не можешь организовать экипаж и свою ремроту? И на вызов не отвечаешь... Ты говорил с Руденко?

– Так точно, говорил.

– Ну, так ты сильно не своевольничай, оно тебе надо? Разберись в деталях, и мне докладную, чем быстрее. Тут по этой теме, уже даже Полубояров на дыбы встал. Мне нужно твоё конкретное письменное заключение по поломке, в самом кратчайшем интервале времени.

– Понял вас, Алексей Лукич. Сейчас разбираемся. К вечеру будет докладная.

– Да не к вечеру, Олег! К вечеру мы опять на марше! А эти ж, сверху, наседают! Сейчас, быстро разберись по сути, машину оставляй ремонтной роте для вывода под трайлер, и самое позднее к двум часам дня с докладной ко мне, в квадрат сорок пять – двенадцать. Всё понял?

– Есть, товарищ подполковник.

Глава 3

17 августа. 11.00. Офицерская палатка у Витковичей.

– А что мужики, похоже – идём выполнять интернациональный долг по защите братского народа Чехословакии?

– Хорошо бы. Там бы и остаться лет на пяток, денег под-

заработать да мир посмотреть.

– Ага, сначала живым остаться, на всякий случай, не помешало бы. А потом про заработок и мир. Насмешил.

– Да это само собой. А что такое? Слава богу, не сорок первый.

– Да то такое. Сорок первый тоже начинался как бы незаметно.

– Транзистор есть у кого? Что там вражки голоса гудят? НАТО полезет в Прагу, как думаете?

– Думаю, не полезет, – отозвался из глубины палатки уверенный голос, – не те времена, НАТО в кризисе. Де Голль их выгнал из Парижа поганой метлой. Штаты увязли во Вьетнаме, остальные «натовцы» сопят в дудочку и без хозяина не сунутся.

– Могут полезть, – вмешался бас от палаточного окошка. – Смотря, что придумает Дубчек. Если пообещает Штатам ракетную базу у наших границ – полезут, как пить дать. Оформят, как по просьбе законного правительства Чехословакии. Наши старпёры в Политбюро – пока то, да сё – совещание, заседание. Проспят вторжение.

– Им неоткуда вторгнуться так наспех, – возразил пятый голос. Австрия нейтральная – не полезешь, Польша, Венгрия – наши. Перелететь, тоже без согласования со страной – не перелетишь

– Стоп. Разве нет прямой границы у чехов с ФРГ?

– Та нет, откуда ей быть. Там сплошная ГДР, я служил

срочную под Дрезденом – до Карловых Вар рукой подать.

– Тьфу, Гаврилюк – грамотей. Служил срочную под Дрезденом, но географию не выучил. Есть у бундесов шмат приграничный с чехами, километров на пятьдесят. А в районе Нюрнберга аэродром НАТО и американская база, упакованная новейшими машинами М60А1. Читайте журнал «Военное обозрение». Им вторгнуться к чехам, что два пальца обоссать. Так что мужики, кто у нас тут семейный, при первом случае телеграфируйте: «К обеду не жди, твой суслик!»

– Да, я тоже всегда считал, что есть полоска, на юге от Карловых Вар. С Баварией. А там американских баз немеряно. И поползут и полетят,..

– О, херр Кудинов в своём стиле. Дай лучше музыку хорошую со своего транзистора! А с «Баварией» потом в футбол сыграем!

– Не, не! Либен херрен, Баварского пива бочку – в палатку номер шесть, под Витковичи, битте!

– Да, да, в ПАЛАТУ номер шесть! – раздался дружный хохот.

– Так, мужики, давайте тише, а то замполита накликаем.

– Ага, а за замполитом – особиста...

– «Паапрашу, в моём доме не выражаться!»... «Кавказскую пленницу» смотрели? – засмеялись.

– Ох, не вспоминай! Такую пленницу-комсомолку сейчас бы потоптать в полумраке. Хоть бы и на этой казарменной пружине. И сразу в бой можно.

– Да не заводи, ёма-ё! А то завоём. . .

– Та обычный испытательный марш. Какой бой, какая Чехия? Радищев с Петренко наивные, как пионеры. Загрузимся богемским хрусталём и пивом чешским? Ага! Помечтай! Завтра – послезавтра пробежим ещё по двести километров в день, да постреляем у себя в Игнатполе. Через недельку будем дома – есть из солдатской миски, да «груши околачивать» в ожидании.

– В ожидании чего?

– Банного дня! И двадцати пяти лет выслуги. Чего ещё ждать солдату? – расхохотались все.

– Мужики, чего гадать: любит – не любит, Чехия – не Чехия. Завтра выяснится. Развернёт Соколик с утра колонну к солнышку, значит Акулич прав, ходим кругами, как обычно, ничего нового. Побегаем, постреляем и домой.

– А ежели не развернёт, и продолжим бежать от солнца. . . в тень?

– Не, ну действительно, что за чепуха? Чехи решили сами устроить свои дела. Мировое сообщество с этим согласно. А мы тут причём?

– Журбин, ты дурачок, что ли, или прикидываешься? Что значит «сами решили устроить»?

– Значит, сами решили избрать свой путь развития.

– Во, набрался школярской туфты. Какой там ещё «свой путь развития»? Посмотри на вещи реально.

– Да решили выйти из этого социалистического бардака.

– Эй, мужики, – с койки у входа впервые подал голос парень, ранее молчавший, – вы там не сильно разговорились? Так ведь точно особиста накличете.

– Да, мужики, Казуров прав, он сегодня в догонялки сыграл – держит нос по ветру. Меняем тему, давайте лучше про баб. Вот я, будучи в Харькове на стажировке прошлым летом, такие груди поимел при случае, что вам никому тут и не снилось.

– А то шестой номер?

– Не, не, парашюты не по мне! Обычная трудовая тройка, но упругие, как футбольные мячи, и сосками вверх – самый сок.

– Тройка – это не футбольные мячи, а гандбольные!

– Опять, нецензурная брань в распоряжении! Пора замполита звать! – захохотали.

– Кстати, мужики, а почему «богемский хрусталь»? Типа, божественный? Или от богемы, то бишь – от золотой молодёжи?

– Да ты загнул, от богемы! Богемия – древнее название Чехии. Там у них – Богемия, Моравия, Силезия, ...ещё что-то...

– А я согласен с Журбиным, прошла пора уже – соваться в чьи-либо внутренние дела.

– А я не согласен ни с тобой, Семёнов, ни с твоим другом Журбиным. Тут никто не знает, в том числе и замполит, где на самом деле внутренние дела, а где обычный слив безмолв-

ствующего народа по сговору кукловодов, что у кормушки.

– Что ты имеешь ввиду?

– А то и имею, что ты услышал. Есть Варшавский договор. Есть уставные обязательства по нему. Кому-то из «якобы народом избранных» стало тесновато в социалистическом бардаке – уходи с должности, и выстраивай свой капиталистический порядок в отдельно взятой семье. Не хочешь – выполняй устав и не морочь голову народу.

– Соглашусь с Петреныхем. Дубчек же заранее знает, что выбор прост – либо под нас, либо под пиндосов, а ни туда ни сюда – будет бойня. Зачем народ подставлять?

– Так он и знает об этом «простом» выборе, и «просто» хочет под пиндосов. А народ ему – биомасса для решения личных дел.

– Вот о том и речь – хочет банк сорвать. Сменить хозяина за деньги. Мозги промывает «про свободу». Ни слова о свободе – уйдём мы, придут амеры. А Журбин – елейным сиропом про «путь развития». Какой свой путь? Давно такого нет. Мир у нас двуполярный.

– Это факт! Либо попрошайничать на песочек Алабамы, либо на Колыму – за северной надбавкой, – рассмеялись.

– Тут ведь, суть в мировом равновесии, – вмешался голос от окна. – Ценой огромных усилий и жертв – ко второй половине века установился ныне действующий паритет, гарантирующий мир. Любое нарушение баланса – перетягиванием территорий из одного военного блока в другой – автома-

том влечёт за собой цепную реакцию, и ведёт к эскалации. А Чехословакия в сфере нашего влияния, согласно Ялты-45. Подписано обеими сторонами на века. Её решений никто не отменял.

– Как это «никто не отменял»? А Фултонская речь Черчилля? Разве это не отказ от решений?

– Семёнов, ты читал текст Фултонской речи?

– Нет. Но это и так известно. Речь, положившая начало «холодной войне».

– Которую объявил оппозиционный английский политик семидесяти двух лет – студентам провинциального техникума где-то в штате Миссури?.. Самому не смешно? Ну да, там про «пятую колонну», в лице своих коммунистических партий, борющихся за власть. И про «железный занавес»: от Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике. И что? Разве это новость? «Призрак бродил по Европе – призрак коммунизма». А после нашей Победы, их притёршаяся бюрократия так тряслась, что компартии их же стран, вот-вот выбьют из-под них руководящие кресла выборным демократическим путём, что отсутствие «занавеса» им было опасно – с точки зрения рекламы инакомыслия. Плюс, охраняли свой рынок труда от наплыва дешёвой рабочей силы с Восточной Европы. Но это их железный занавес. Связанный с их фобиями, их комплексом неполноценности. Мы-то тут причём?.. Как вдруг, наш усатый вождь, тоже уж входящий в возрастной маразм, обиделся. И пропагандисты наши, услужливо –

под «отца народов», объявили речь английского пенсионера – началом «холодной войны»? Какую войну может объявить политик, не имеющий никаких рычагов власти? Ну это, все равно, что если б в августе 1968-го, Никита Хрущёв вкнут что-то стратегическое на уроке политинформации в крыжопольском ПТУ? Он, ведь, жив-здоров, на пенсии, и никому не мешает. До недавнего был членом ЦК, несмотря на отставку с первого поста. И что? Его «Крыжопольская речь» отменила бы все юридически оформленные соглашения между странами?.. – дружный громкий хохот раздался в палатке.

– Во! Саврук, как всегда, конкретен. Наши ж столичные сострадальцы: Журбин с Семёновым, вроде как по наивности, забыли про Ялту и Потсдам. Где, помимо прочего, был упразднён и пакт «сообщества» по сливу Чехословакии тридцать восьмого. Её ж тогда уже повёл на «свой путь развития» один параноик с левым чубчиком. Знаете, о ком говорю?

– Так точно, – подтвердил Саврук. – Адик аннексировал Чехословакию, по отмашке Англии и Франции, или, как сейчас бы сказали, «мирового сообщества». Собрались в Мюнхене за пивом: Чемберлен, Даладьё, Гитлер, Муссолини, да расписали «покерок» на четверых – исчезла Чехословакия, и всех делов.

– Это я и имел ввиду! Сорок первый начинался «незаметно». С Мюнхенского сговора 1938 года. И Чехословакия па-

ла первой. Но их агитаторы об этом не вспоминают, уж слишком замарали рыльце...

– Прошло время, и воскресшее «сообщество», забыв о мюнхенской пивной, орёт про «нарушения прав».

– Кстати мужики, мы уже по второму разу в Мюнхен на пиво сегодня «въезжаем»! Что-то тут не так? Может, лучше нам – к ним вторгнуться, на опережение? – рассмеялись.

– Да зачем нам – их баварское? Наше чешское не хуже!

– Молодец, Акулич, уже и пиво чешское приватизировал!

– Ещё не приватизировал, но уже сделал заявку на дегу-стацию!

– Семейным – пива не наливать! Выдать хрусталём! – дружно захохотали.

– В общем, мужики, защищаем НАШЕ чешское пиво, которое мы ещё ни разу не пили, и НАШ богемский хрусталь, который никогда не имели!..

Глава 4

17 августа. 11.00. Штаб 8-й танковой армии, Житомир.

Штаб 8-й армии в Житомире, с утра 17 августа, гудел, как улей. Кабинет командарма генерал-лейтенанта Меримского, обычно святая святых для всякого визитёра, теперь напоминал проходной двор. Сновали связисты и шифровальщики. Три генерала и два полковника, склонившись стоя у большой карты, развёрнутой на столе Меримского, тыкали карандашами в квадраты с короткими злыми репликами – то

ли друг другу, то ли в подвешенный на лацкане петличный микрофон. Подчинённые офицеры штаба: от полковника до майора, войдя в кабинет, вытягивались в струнку с рапортом командарму. Но тот, едва оторвав взгляд от карты, обрывал докладчика на полуслове: либо жестом – «зайди, давай» и протягивал руку к принесённой сводке, либо указательным пальцем на стул – «сядь, жди»...

8-я танковая армия, согласно приказу Министра обороны, снялась с мест расположения ранним утром 17 августа 1968 года и выдвинулась походным маршем строго на запад. Разворачивалась знаменитая операция «Дунай». Командарм Меримский, выполняя приказ, гнал колонны своих танков в заданном направлении, при этом подробности о планах дальнейшего передвижения не сообщались.

Зашёл связист и обратился к Меримскому:

– Товарищ генерал-лейтенант! «Абрикос» на связи! Первый!

Меримский немедленно взял трубку. В очередной раз за сегодня – на связи командующий Прикарпатским военным округом генерал-полковник Бисярин. Разговор длился более получаса, всё это время офицеры тихо совещались у карты и отмахивались от посетителей, прикладывая палец к губам и указывая взглядом на беседующего командарма...

Наконец, реплики Меримского зазвучали громче. Офицеры у карты оживились. В воздухе повисли, едва ощутимые для сведущих, признаки определённости.

– Есть, товарищ генерал-полковник! Так точно, вас понял. Так и поступим... Есть, товарищ генерал-пол... Так точно. Действуем оперативно. Вас понял, Василий Зиновьевич. Да, конечно. И вам, взаимно! Здравия желаю!

И как только была положена трубка, командарм позвал шифровальщика:

– Всех командиров дивизий, их начальников штабов, а также командиров отдельных спец-подразделений к., – (Меримский взянул на часы, сверяя по памяти – сколько времени езды до штаба самому отдалённому комдиву), – к пятнадцати ноль-ноль, в спешном порядке, ко мне на совещание! Гриф «секретно, срочно!», подпись – Меримский.

Среди офицеров, склонившихся над картой и рычащих в лацкан – первый зам. командарма

генерал-майор Руденко, помимо всего прочего, являлся ответственным за испытания новых танков Т-64, соответственно – коммуникацию с Минобороны и заводом-изготовителем.

Прошло больше часа после его разговора с зампотехом 135-го танкового полка Лугиным, а Пётр Иванович Руденко всё ещё был мрачен. Зампотех определённо настаивает на отсутствии эксплуатационной ошибки. А завод не будет признавать конструктивной.

«Буду между молотом и наковальней, возни не оберёшься», – раздумывал Руденко.

(«Молот» – управление бронетанковых войск Минобороны и военно-промышленная комиссия Совмина – заказчики нового основного танка. «Наковальня» – завод-производитель и испытательная 23-я дивизия. А в первую очередь, командир в/ч 61514 Соколенко и его зампотех Лугин, с подчинёнными им танкистами 135-го танкового.)

«Можно, конечно, слить зампотеха с танкистами (как Дубчек – свой народ)... Это было бы типично и никого бы не удивило. Подумаешь, одним зампотехом больше – одним меньше. Страна большая, матери ещё нарожают, а академия БТВ, во главе с легендарными маршалами Ротмистровым и Бабаджаняном, их обучит. Сложнее быть честным, и разобратся по сути.»

Опять связист:

– «Заря-три» на связи, товарищ генерал-лейтенант, возьмите трубку!.. (Начальник Главного управления бронетанковых войск Минобороны Павел Павлович Полубояров).

Меримский среагировал мгновенно:

– Здравия желаю, товарищ маршал!

– Приветствую, Виктор Аркадьевич! Доложи, как проходит выдвижение техники по тревоге?

– Строго, согласно приказу, товарищ маршал, выдвинулись в полном составе: 23-я Овручская дивизия, 30-я Новоград-Волынская, 31-я Жмеринская, а также два танковых полка 41-й Бердичевской учебной дивизии. На данный мо-

мент к намеченному месту дислокации у Витовичей, Ровенской области прибыл 135-й полк подполковника Соколенко из состава 23-й дивизии. Остальные приближаются к заданным пунктам, информация поступает с минуты на минуту.

– Вот как раз, дела у Соколика в 135-м и у Берко в 39-м меня интересуют больше всего. Все машины прибыли на место дислокации?

– Никак нет, товарищ маршал. Есть выходы трёх машин из строя. Первая – тридцать девятого полка, у Словечно, на шестнадцатом километре марша. Вторая – сто тридцать пятого, в районе Белокоровичей, на приречном каскаде ухабов, уже оказываем помощь силой ремонтной роты. Третья, тридцать девятого – на выходе из тоннеля под автотрассой Киев-Ковель, буквально десять минут назад. У всех – подвеска. По предварительной оценке первых двух – разрывы торсионов!

– Виктор Аркадьич, все машины шестьдесят-четвёрки?

– Первые две, так точно, четыреста тридцать второе изделие, по третьей – уточняем, поломка случилась только что.

– Тьфу! И двести километров не прошли... Вот видишь, а Морозов и Соич уверяют меня, что машина надёжная... А переключить меня на Соколенко, можешь?

– Так точно,..– и связисту рукой: – Свяжи «Зарю-три» с «Вымыслом»!

Глава 5

Изделие 432, как именовали в отчётных сводках новый

танк Т-64, рождалось в муках и сомнениях. Задуманное в эпоху волюнтаризма («Догнать и перегнать!»), на крыльях нашей Победы и вклада в неё знаменитой Т-34-ки, имело целью – превзойти по боевым параметрам все, имевшиеся к моменту обострения международных отношений начала шестидесятых, мировые образцы.

Т-64 планировался, как танк предельных возможностей: средний – по мобильности, но тяжёлый – по огневой мощи и защищённости. При этом, на осуществление проекта претендовали оба ключевых центра танкостроения – «Северные» (КБ и заводы Ленинграда, Нижнего Тагила) и «Южные» (Харьковский 75-й, с поставщиками). За поручение заказа «Северным» ратовал Оборонпром, в лице авторитетного лидера отрасли Устинова (экс-директора Обуховского завода Ленинграда). Но группировка ЦК под Хрущёвым (Подгорный, Шелест и ещё десяток выдвинутых ими управленцев со Слобожанщины и Донбасса) имела свои контраргументы. Госзаказ на предполагаемое чудо мирового танкостроения был вверен Харьковскому 75-му заводу и его конструкторскому бюро под руководством Александра Александровича Морозова – соавтора легендарной Т-34.

К началу 1964 года была изготовлена первая серия опытных машин. А уже весной, устраняя дефекты в аврале, подгоняемый партийными кураторами, «объект 432» отправили на государственные испытания. Они были с треском провалены. Секретарь ЦК Устинов, после правительственного по-

каза Т-64 на полигоне, обращаясь к Морозову, был краток:

– Что это за показ? У вас на трёх машинах полетела ходовая, на двух встал двигатель. Не можете сконструировать нормально – отдайте 432-е изделие «Северному»!

Осенью 1964-го, после октябрьского Пленума, Слободжанская группировка в ЦК стала саморастворяться. К власти в стране выдвигался бездонный Днепропетровский клан (Брежнев, Щербицкий, Кириленко, Тихонов.., далее по списку – до пятисот душ «бюрократ-планктона» всех уровней управления). И тренды в мировой системе безопасности менялись, приоритетом военно-промышленного комплекса становилась ракетная индустрия. У клана появился свой «ребёнок-монстр» – завод Южмаш, съедающий весь оборонительный бюджет.

За танковую индустрию всё ещё боролись военные. Действующий Т-55, как основной танк Варшавского блока, к середине шестидесятых устарел, и не выдерживал конкуренции с образцами НАТО. А новый танк всё ещё «барахтался в пелёнках». Трения по поводу правильности поручения сверх-заказа 75-му заводу усилились. Равновесие в лоббирующих звеньях колебалось, конструкторская концепция танка попадала под жёсткий прессинг. Выручал авторитет. Доверие к школе прославленного конструктора Кошкина было настолько высоко, что, несмотря на непринятие Т-64 на вооружение, серийное производство машины на заводе сохранили.

Прошло два года «работы над ошибками». В декабре 1966-го Т-64 был предъявлен на повторные гос.испытания, в результате которых объект со «скрипом и лязгом», но так-ки был рекомендован к экспериментальному принятию. И к концу 1967 года порядка двух сотен новых танков Т-64 были направлены в войска под пробную эксплуатацию: часть машин – в БВО; а львиная доля – в ПрикВО, в 23-ю (Овруч-скую) дивизию. Развернутый 135-й танковый полк 23-й дивизии, согласно приказу Минобороны, являлся основным испытательным центром Т-64. В нём находились восемьдесят шесть новых машин прямой полковой приписки.

В феврале 1968-го, в разгар зимней распутицы, по инициативе главного конструктора, 23-я дивизия совершила пробный прогон десяти новых танков по маршруту Овруч – Волгоград – Овруч. Марш длиною более четырёх тысяч километров длился пятнадцать дней. Ежесуточно проходили по двести-триста километров, большей частью – ночью. Работали при температурах от плюс пяти до минус двадцати пяти. Результаты пробега были плачевными. Своим ходом вернулись в расположения 23-й дивизии только три машины из десяти (у четырёх – встал двигатель, у трёх – подвела ходовая). Помимо прочего, выявилась масса дефектов среднего характера: большой расход масла, течи задних баков, уязвимость торсионов, потеря гребней и болтов гусениц.

Провалу следовал серьёзный разнос. В конце февраля на коллегии Минобороны разбиралась жёстко отрицательная

служебная записка Управления генеральных инспекторов. Зачитав основные тезисы, маршал Ротмистров окинул присутствующих проницательным взглядом и коротко резюмировал без бумажки:

– Глубоко уважаю конструктора Морозова. Но я за хорошую машину и потому отношусь придирчиво. Надо прекратить хвастовство, так как это ведёт к потере бдительности. Американский М60А1 проходит до семи тысяч километров без ремонта. В других странах тоже неплохие танки. А мы уже шесть лет топчемся на месте!.. Тут все люди опытные, хорошо знающие историю. Повторяться о том, что история не прощает хольбы на месте в вопросе совершенствования вооружения, думаю, не стоит. Но в данный момент, состоянием на 1968 год, запомните эти слова – мы без малейшего намёка на паритет по бронетехнике!

В зале повисла пауза. Павел Алексеевич Ротмистров вновь окинул взглядом коллегую и расправил пышные, закручивающиеся к дужкам очков, усы. Все в напряжение ждали, когда танковый мэтр закончит. А закончил он коротко, в лоб, безо всякого обходного манёвра:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.